

М.Ю. Пармонова

СЛАВЯНСКИЙ ВОСТОК В ХРОНИКЕ ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО. ОБРАЗ "ИНОГО" НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИДЕОЛОГИИ И РИТОРИКИ

Эпоха Людольфингов (919-1024) стала в истории Германии и всего центральноевропейского региона периодом не просто переломным, но конституирующим по своему историческому значению¹. Процесс интеграции германских земель в рамках единого политического образования позволяет определять эпоху Людольфингов как время рождения германской государственной и культурной идентичности. Наряду с созданием институциональных структур существенное значение в упрочении позиций центральной власти и политического единства Германии имело и развитие новых форм легитимации ее правителей². Идеология власти в "позднеоттоновский период" основывается на христианской сакрализации образа правителя, и находит свое выражение в системе ритуальных процедур и концептуальных построений.

Существенное место в системе мероприятий Людольфингов занимала их военная и политическая активность в сопредельных регионах северной и центральной Европы, прежде всего на славянском востоке. Успешные завоевания и утверждение превосходства в этом регионе стали важным фактором стабилизации их могущества и его легитимации. Начиная с 60-х годов X в. особенно важной в контексте восточной политики Людольфингов становится религиозная, церковно-организа-ционная деятельность. Славянский восток был осмыслен в системе исторического и идеологического сознания оттоновской Германии как сфера власти и притязаний германских правителей. Вместе с тем, на протяжении X-начала XI вв. этот регион претерпел глубокие внутренние изменения³.

Формирование властных структур и механизмов этнополитической интеграции происходит не только в германских землях, но и в сопредельных территориях. На рубеже тысячелетия фактом политической жизни становится формирование политических образований, объединяемых властью трех могущественных династий региона — польскими Пястами, чешскими Пржемысловцами и венгерскими Арпадами. Подъем этих династий и создание территориальных и этно-племенных объединений, подчиняющихся их власти, сопровождался процессом их христианизации и создания церковно-организационных структур.

Наряду с христианскими династиями соседями Германии были многочисленные западнославянские племена. Значительная их часть попала в 20-60-х годах X в. в подчинение первых Людольфингов - Генриха I (919-936) и Отгона I (936-972) - и была включена в систему церковного и политического господства, созданную на восточных рубежах им-

перии. Однако в течение последних десятилетий прямое господство германских правителей в славянских землях оказалось в значительной степени разрушенным. В результате выступлений полабских славян (лютичей в 80-90-х годах X в. и ободритов в 1018 г.) значительная часть славянских племен освободилась от политического и церковного влияния империи. Они восстановили традиционную систему верований и организации социальной и политической жизни, представляя существенную угрозу и постоянный источник нестабильности для восточных германских земель. Лишь незначительная часть западнославянских земель, подчиненных в свое время первыми Людольфингами, стабильно оставалась в составе пограничных саксонских марок. В целом несмотря на разнообразие и динамичность развития можно отметить, что именно эпоха Людольфингов дала толчок процессам, которые в исторической перспективе определили политическую и культурную карту региона.

Восточная политика Людольфингов нашла отражение в исторических сочинениях оттоновской эпохи⁴. В их ряду стоит и одно из наиболее значительных произведений так называемой поздноттоновской историографии - Хроника мерзебургского епископа Титмара⁵. Выбор этого исторического сочинения для нашего анализа предопределен рядом обстоятельств. Оно возникло в 10-е годы XI в., на исходе эпохи Людольфингов и, таким образом, может рассматриваться как находящееся в пределах этого периода и вместе с тем, стоящее перед задачей осмысления и подведения итогов⁶. Этот текст принадлежит средневековой немецкой историографической традиции, обращенной к истории германской политики в Центральной Европе и может быть сопоставлен с тенденциями как предшествующих сочинений ("Деяния саксов" Видукинда Корвейского - на 60 - начало 70-х годов X в.)⁷, так и последующих (Адам Бременский - 60-70-е годы XI в.)⁸. В непосредственной хронологической близости с сочинением Титмара находятся и агиографические тексты, повествующие о событиях и персонажах централь-ноевропейского региона⁹. Естественно, что в рамках данной статьи сопоставление хроники с другими сочинениями будет носить самый общий характер.

Анализ образа славянских народов в сочинении Титмара предполагает необходимость выхода за пределы традиционных поисков достоверной информации или определения чисто идеологических установок автора. Специфика представлений Титмара о славянском востоке в их Целостности и внутренней взаимосвязи не может быть выявлена без анализа литературных в широком смысле аспектов текста, таких, например, как лексика, литературные клише и метафоры, выстраивание отдельных сюжетов и манера стилизации образов исторических персонажей¹⁰. Это позволяет выйти за рамки чисто аналитической процедуры, которая предполагает составление перечня тех или иных характеристик, их классификации на "позитивные" и "негативные", реконструкции "представлений автора" и его идеологической ангажированно-

ста через подведение финального баланса разведенных по разным рубрикам данных¹¹. Хроника Титмара, вместе с тем, не является механической совокупностью сведений и оценок, но обладает собственной целостностью и органикой. Она предопределена и следованием литературной традиции, и личным опытом и интуицией автора, и в той или иной форме артикулированными представлениями определенного сообщества, "голосом" которого "выступает" автор. В этом смысле Хроника Титмара Мерзебургского не является ни зеркалом исторической реальности, ни манифестом интересов и амбиций германских правителей и аристократии, ни тенденциозным морально-назидательным "памфлетом" образованного клирика. В известном смысле этот монументальный труд есть и то, и другое, и третье, а значит выходит за пределы любой однозначной характеристики.

Анализ текста, целью которого мы ставим выяснение общих тенденций восприятия славянского востока, уместно начать с вопроса, насколько артикулировано было восприятие хронистом этого региона как единого и вместе с тем дифференцированного политического и культурного пространства.

В хронике Титмара лежащий на восточных границах империи мир ни разу не обозначается каким-либо единым понятием; хронист не делает попытки обобщения своих сведений о регионе - ни на уровне отвлеченного рассуждения, ни на уровне целостного описания региона как единого пространства, народы которого наделены какими-либо чертами общности или различия¹². Титмар упоминает различные славянские племена (1:1,3,10; 2:14 и др.), ему известны их вожди (2:12; 3:18; 4:64; 8:6) и правители (чешские, польские, венгерские), он ориентируется в топографии региона и месторасположении населенных пунктов и географических объектов¹³. Вместе с тем, он нигде не употребляет собирательного понятия "Славия", которое было известно его современникам и использовалось для обозначения региона и сообщества славянских народов, соседствующих с германскими землями или подчиненного власти германских правителей¹⁴. Лишь термины "славяне" и "славянский [язык]" (*sclavonice... dicitur* или аналогичные обороты), весьма часто употребляемые хронистом, приобретают смысл обобщающего понятия, отнесенного к определенному кругу народов. Они указывают на славянские племена, находящиеся в каких-либо отношениях с империей (1:3,4, 10; 2:12, 31; 3:17, 19 и далее), или славянское население пограничных германских марок (5, 9; 6:84), а также использованы в характеристиках чешской княжны (4:55) и польского правителя (5:пролог,18). Так же, как и в современных ему сочинениях, эти понятия приобретают у Титмара как обобщающее, так и конкретное (применительно к отдельным народам) значение, не будучи, однако, точно дифференцированы в своей соотносительности¹⁵.

Отсутствие обобщающих характеристик приводит к тому, что ре-

гион распадается: разнообразие народов, правителей, конкретных событий и географических пунктов, границ кажутся весьма аморфными¹⁶. Вместе с тем повествование Титмара отмечено специфическим изобразительным эффектом: и с литературной (взаимосвязанность сюжетов и описаний в рамках единого повествования), и с оценочной (наличие сквозных для региона особенностей и характеристик), и с содержательной (описание тесных и разнообразных связей отдельных народов и правителей между собой) точек зрения этот регион изображается хронистом как некая целостность. Такое восприятие не связано с четкой артикуляцией автором внутренних собственно региональных особенностей, оно, как кажется, основывается преимущественно на наблюдении "из-вне", проистекает из противопоставления социуму, с которым себя идентифицирует Титмар.

Хроника Титмара создает образ единого в своей враждебности и инаковости мира, лежащего на германских границах¹⁷. Именно эти две характеристики являются доминирующими в изображении соседних славянских народов и/или правителей. Фрагментарность событий и персонажей снимается в силу единства повествовательных приемов и оценочных суждений, использованных в их описании. Такое "негативное" восприятие сопряжено со сквозным для всего сочинения мотивом "защиты отечества". Оно так или иначе было предопределено ситуацией, современником и непосредственным действующим лицом которой был Мерзебургский епископ. Выступления полабских славян в 80—90-е годы X в., в значительной степени разрушившие результаты успешных завоеваний Отгона I; непрерывные, начиная с 1002 г., военные конфликты Генриха II (1002-1024) с польским князем Болеславом Храбрым (992-1025), "мятежи" языческих славянских народов, нестабильность в чешских землях (1003-1012 гг.) были той реальностью, переживание которой стало личным опытом хрониста и обусловило общий эмоциональный фон восприятия славянских соседей империи. Однако существенным кажется то, что эта реальность переосмысливается хронистом в рамках его литературного произведения, воспроизводится им в соответствии с имеющей собственную природу логикой сюжетной и риторической организации повествования¹⁸. В свою очередь, собственно нарративный уровень текста концептуализируется в системе исто-рико-теологических конструкций, становится материалом для решения морально-назидательных целей сочинения¹⁹.

Первой характерной чертой, единой для изображения всех славянских соседей Германии в сочинении Титмара, является их враждебность и опасность для империи. Повествуя об истории или современных ему событиях, он далек от эпических интонаций²⁰. Хронист не чужд прославлений подвигов и побед германских государей²¹. Однако их значимость для характеристики их образов не кажется исключительно важной; героический пафос потеснен: с одной стороны, похвалами их христианским добродетелям (1: пролог, 15; 2: пролог, 30, 43, 44; 3: 1, 25; 4: 10; 5: пролог и др.)²² с другой - настойчиво звучащим мотивом

защиты отечества и его интересов как обязанности правителя. Этот мотив приобретает у Титмара более существенное значение, чем тема личной славы и доблести²³. Германские правители неоднократно выступают у Титмара как победоносные государи: однако сцены бесспорного триумфа связаны только с персонами Генриха I (1:10, 16, 17) и От-тона I (2:10,14, 28, 30, 31)²⁴. В подавляющей по объему части повествования германские правители либо представлены в ситуации неудач и бедствий²⁵ (Отгон II - 3: пролог, 14, 17, 21), либо вынуждены отстаивать свои права, добиваться их восстановления, защищаться от врагов и их коварных планов (Отгон III или Генрих II). В качестве главного источника угрозы в сочинении Титмара Мерзебургского выступают славянские народы и правители.

Титмар рассматривает славянские народы, включая и чешских²⁶ и польских²⁷ правителей, как объект властных притязаний германских королей, которые он считает законными и справедливыми, однако встречающими сопротивление и бунт²⁸. Не случайно, для наименования противников империи (как славян-язычников, так и Болеслава Храброго) он постоянно использует понятия *hastes, rebelles, inimici*, а их действия квалифицирует как "мятеж", стремление нанести ущерб империи, нарушить традиционные права (3:17; 4:11-13, 22, 29, 38; 5:9, 18, 30, 31; 8, 2, 5,6)²⁹.

Враждебность славянских народов и правителей является в изображении Титмара непрерывным, откровенно проявляющимся или латентным состоянием. Она прекращается только в ситуациях полного подчинения и покорности. Однако Титмар относит их преимущественно к прошлому (1:10,14; 2:30, 31; 5:7,10; 6:25), в то время как актуальная для него ситуация чревата постоянным нарушением договоров, ненадежностью достигнутых успехов или союзов. Войны со славянами в кн. 1 и 2 завершаются их подчинением и покорностью, в то время как "бунт" полабских славян, произошедший в 983 г. (3:17—19), несет угрозу постоянных конфликтов, (4:9, И, 13, 22, 29, 38; 8:5, 6), а конец беспорядкам и вражде не может быть положен военными победами. Даже достигнутое в период написания хроники состояние мира и союзничества с лютичами, как будет показано ниже, кажется хронисту опасным и ненадежным.

Из всех славянских правителей бесспорно положительной (или точнее, имеющей преимущественно положительные гона) характеристики с точки зрения поведения в отношении Германии удаются только отец Болеслава Храброго Мешко I (2:14, 29, 31; 4:11-13, 55-57; 5:10)³⁰, чешские князья Владивой³¹ и Яромир (6:11, 12,71, 83). Их образы несут целенаправленную функциональную нагрузку — они использованы для того чтобы подчеркнуть враждебность и опасность гораздо более колоритных негативных героев³², которым хронист зачастую вполне откровенно прогивопогавляет положительных персонажей. Создавая образы "врагов", Титмар становится стилистически более выразительным³³. Хронист, даже в тех случаях, когда пишет о славян-

ском населении находящихся под властью германских правителей земель, явно предпочитает мотив их ненадежности и неустойчивости, как религиозной, так и с точки зрения лояльности властям (4:6; 5:9; 6:37, 84; 7:69).

Нагнетание красок в создании образа враждебного мира (слагающегося из более или менее единообразно представленных персонажей - племен и правителей, христиан и язычников) осуществляется разными способами - и в использовании метафор³⁴, и в выстраивании отдельных сюжетов и характеристик³⁵, и в самой структуре материала.

Хроника Титмара содержит разнообразную информацию о славянском востоке. В основном - это история взаимодействия с германскими правителями, с преобладанием явно - и в количественном отношении и по объему текста — эпизодов борьбы и противостояния. Хронист приводит и иные, "нейтральные" по своему характеру сведения. Их номенклатура может быть определена следующим образом – повествования о союзах и войнах соседей между собой, сообщения о "внутренних политических событиях", характеристики нравов и обычаев, описание языческих культов, истории о деятельности прославленных миссионеров, "портреты" правителей, информация о связях с представителями германской аристократии или духовенства. Однако и в этом случае текст в основном далек от функций нейтральной энциклопедической информации или занятого повествования. Хронист зачастую использует эти эпизоды для того, чтобы так или иначе усилить негативную характеристику какого-либо лица или народа с целью подчеркнуть его опасность для Германии³⁶.

Характеристика врага как "врага" в эпизодах, описывающих открытые конфликты, не является особо примечательным приемом. В них Титмар, несмотря на некоторое однообразие, весьма красочен в своей риторике и экспозициях. Целесообразно, однако, остановиться более подробно на манере и типических чертах изложения сюжетов, связанных с невоенным взаимодействием немцев и славянских партнеров - переговорами, заключением мира, встречами, военным союзничеством, брачными альянсами.

С точки зрения оценок и намерений хрониста упоминания или описания таких отношений можно условно разделить на две категории. Первая - это ситуации, представленные с преимущественно положительной оценкой, в которых поведение и мотивы "славян" либо являются бесспорно благоприятными для Германии, либо лишены каких-либо комментариев хрониста по поводу их "злого умысла". Вторая -объединяет ситуации, в которых хронист более или менее откровенно видит или выявляет негативные черты партнера; его поведение, сомнительность качеств, прямой ущерб интересам германской стороны. Сразу отмечу, что соотношение эпизодов двух типов явно склоняется в пользу последнего.

Ситуации первого типа имеют ряд общих черт. В некоторых случаях хронист ограничивается простой фиксацией факта³⁷. Чаще, однако,

Титмар специально определяет смысл соглашений либо как бесспорное признание власти короля, вызванное добровольным³⁸ или на основе аргумента силы подчинением³⁹, потребностью в защите с его стороны⁴⁰, либо участием в совместных военных акциях⁴¹. Нередко Титмар констатирует факт таких отношений для того, чтобы подчеркнуть тяжесть современной ситуации по сравнению с прошлым или указать на ее истоки. Например, такую функцию смыслового контраста можно обнаружить в двух пассажах, касающихся отношений с польскими правителями. В первом случае хронист отмечает, что маркграф Эккегард подчинил себе некогда свободных мильчан, сделал чешского князя Болеслава III своим вассалом, а Болеслава Храброго имел лучшим другом (5:7)⁴², во втором - приводит весьма пространное горестное восклицание-рассуждение о том, что, если бы не неразумное возвышение Отгоном III Болеслава Храброго польские князья - Мешко и его сын Болеслав — так бы и находились в подчинении немцев⁴³. Оба фрагмента являются тенденциозным риторическим расширением более ранних, лаконичных упоминаний⁴⁴. Они предваряют и оттеняют следующее повествование о начальных событиях конфликта с Болеславом Храбрым, являются своеобразной прелюдией к повествованию об отношениях Генриха II с Болеславом, занимающему значительную часть хроники (кн. 5-8). Такую же функцию - противопоставление для усиления негативного эффекта — выполняют и апелляции хрониста к зависимости славянских народов в прошлом (6:25; 8:6), помещенные в контекст описания их "мятежа" и "свободы" в настоящем. К этому же ряду можно отнести и упоминания либо описания фактов "традиционного и законного" подчинения чешских князей (5:7, 11, 23; 6:83, 99), которые используются как антитеза к неповиновению (латентному или открытому) "дурных" чешских правителей (Болеслав III, на короткий период - Болеслав Храбрый, Олдржих).

Титмар очень неохотно подчеркивает какой-либо бесспорно позитивный смысл двусторонних связей, когда речь идет о персонажах, последовательно характеризуемых в качестве врагов. Здесь он предпочитает ограничиться простой констатацией, как, например, при упоминании помощи Олдржиха и лютичей немцам в столкновениях с Болеславом Храбрым (7:17,19, 59). С систематической последовательностью хронист сводит "позитивный" смысл события к его нейтральной фиксации как факта тогда, когда он обращается к образу Болеслава Храброго. В качестве примера можно указать описание мирных соглашений Генриха II с Болеславом (5:15, 18; 6:27; 7:50; 8:1⁴⁵), упоминания о брачных альянсах польского князя и его родственников (4:58)⁴⁶, констатацию явно дружеского общения с представителями германской знати или духовенства (5:7, 10; 6:94,95; 7:9)⁴⁷. Характерно, что в случае указанных выше правителей или народов, развернутому обсуждению подлежат только те случаи "мирного" общения, в которых хронист может (или считает необходимым) выявить дурные с точки зрения Германии аспекты⁴⁸.

Описание ситуаций "мирного" взаимодействия, в которых Титмар так или иначе усматривает негативный для Германии смысл, равно как и краткие намеки-указания на факты такого рода — гораздо многочисленнее. Условно можно выделить две основные модели характеристики негативных аспектов этих отношений: в первом случае хронист откровенно раскрывает двуличие, коварство и ненадежность "славянского" партнера⁴⁹; во втором - использует косвенные приемы: например, непосредственно в сообщении о событии или его описании указывает на негативные качества партнера или "дурные" последствия соглашения⁵⁰, либо вводит такие характеристики в последующий текст, прямо отсылая к предшествующему эпизоду⁵¹.

Двуличие чаще всего приписывается польскому князю Болеславу Храброму. Титмар последовательно рисует его образ в соответствии с моделью опасного и вероломного противника⁵². Типичной и монотонно воспроизводимой хронистом ситуацией являются переговоры с Болеславом, представленные как безнадежное и опасное мероприятие⁵³. Польский князь выступает здесь как коварный и лживый партнер (*senior instabilis, dux mfaustus*)⁵⁴, который, заявляя о своей готовности к подчинению и покорности императору, на самом деле стремится нанести ему ущерб - удержать незаконно захваченные земли (5:10,18), избежать ответственности за нарушение соглашения (7:4сл.), выгадать время, для того чтобы добиться преимущества и переманить на свою сторону союзников императора⁵⁵ (5:10; 6:33; 7:4,10,13,20,22,51) или использовать короля, чтобы освободить своего сына, которого германцы держали в заложниках (7:11,12)⁵⁶. Соглашения с Болеславом рассматриваются чаще всего как ненадежные или вредные для Германии (5:10); хронист настойчиво указывает на польского князя как на инициатора новых конфликтов (5:18; 6,10,33; 7:4сл.,51).

Аналогичным образом характеризуются и связи Болеслава с германской знатью. Рассказывая о его (весьма обширных) родственных или личных контактах с представителями саксонской знати, Титмар очень последователен в отборе и репрезентации этой информации. Развернуто в частности, представлены сюжеты, свидетельствующие о негативном для Германии характере этих отношений, в то время как все, что могло бы указывать на положительный их характер, сведено до лаконичных или формальных замечаний. Перечисляя браки Болеслава с представительницами германских семей, он не забывает указать на их дурные стороны - одну свою жену Болеслав бросил (4:58), с другой брак был незаконным, поскольку не был освящен церковным благословением (8:1). В целом в германских браках Болеслава, равно как и в германских альянсах его родственников, Титмар находит преимущественно негативные для империи последствия (8:2). Кроме того, хронист косвенно использует эту информацию, чтобы подчеркнуть двуличие Болеслава, упоминает, что тот пытается использовать родственные отношения с германскими маркграфами в своих интересах или обмануть их (например: 5:36; 6:15,34; 7:9)⁵⁷.

Хронист подчеркивает коварство польского князя и в отношении его политических партнеров: в частности, Титмар, говорит о том, что Болеслав был "amicus familiaris" маркграфа Эккегарда (5:57), но главой ниже отмечает, что Болеслав обрадовался его смерти, считая это удобным поводом начать военную экспансию (5:59). Вместе с тем, хронист подробно пишет о союзничестве Болеслава с представителями немецкой знати, выступающими против законных прав Генриха на престол (5:32сл.).

Болеслав, будучи главным персонажем хроники, на примере которого демонстрируется ненадежность соглашений с восточными партнерами империи, не является исключением. Отмечу, что Титмар отчетливо дифференцирует отношения, которые связывают правителей Германии с "западными партнерами" или представителями германской знати, с одной стороны, и "славянами", в другой. В известном смысле, образ Болеслава можно считать типичным, созвучным доминирующей манере описания и оценки других народов и правителей региона.

О контактах с чешскими князьями он также предпочитает говорить в мрачных тонах. В частности, рассказывая о Болеславе II, он подробно описывает его помощь мятежному герцогу Баварии Генриху (отцу Генриха II) (3:7; 4:5, 6); вводит подробное описание его - вполне неискренних, с точки зрения настоящей верности и приязни - контактов с немецким отрядом, присланным на помощь Мешко I в ситуации чешско-польского военного конфликта (4:11-13)⁵⁸; говоря о его связях с немецкими клириками - епископом Фолькольдом и корвейским монахом Тиддагом, снабжает это повествование "негативными" подробностями⁵⁷. Сообщая о прибытии другого чешского князя — Болеслава Рыжего (сын Болеслава II) к Генриху для подтверждения лояльности в период, предшествовавший его коронации (1002 г.), Титмар не упустил возможности отметить, что было это сделано вопреки обычным правилам (5:11). Еще один представитель династии - Олдржих, хотя и изображается только в ситуациях вполне лояльного отношения к Генриху (6:72, 83; 7:4, 10, 11, 59, 63), однако последовательно награждается хронистом отрицательными эпитетами, а сцена "торга" за заложника — сына Болеслава Храброго, находившегося в руках чешского князя, описана таким образом, что в ней недвусмысленно звучит намек на его корысть и двуличие (7:12).

Не менее сомнительны, с точки зрения Титмара, и дружеские отношения с язычниками-лютичами. Освещая эпизоды их союзничества с Генрихом II во время конфликтов с Болеславом Храбрым, он напоминает о "славянской" угрозе и ностальгирует по поводу оставшейся в прошлом ситуации их подчинения Германии. Негативное значение этого союза он раскрывает и в текстовой экспозиции. В частности, повествуя о военной помощи лютичей немцам в 1005 г. (6:22), он немедленно вслед за этим помещает главы (23-25), где с отвращением пишет об их языческих верованиях и нравах. Этот экскурс заключается много-

значительной констатацией того, что лютичи крайне ненадежны и изменчивы в своих отношениях с другими народами, и христианину - в принципе - следует бежать от их губительных привычек (5:25). Таким образом, общие черты "славянских" партнеров - ненадежность, лживость, коварство - являются типическими в подавляющем числе эпизодов "союзничества" и невоенного взаимодействия. Практически все положительно оцененные хронистом факты отношений со славянскими соседями (покорность славянских племен, бесспорная лояльность некоторых князей - Мешко Польский, Владивой, Яромир) используются в качестве противопоставления и служат усилению негативного эффекта.

Уместно предположить, что в крайней умеренности положительных или нейтральных тонов, в избытке риторических и литературных приемов, нацеленных на создание враждебного, независимо от ситуации, образа, отражается не только следование Титмара действительности, но прежде всего его личный субъективный опыт. В целом, восприятие хронистом взаимоотношений со славянскими соседями лишено эпического пафоса и героических интонаций. В своем сочинении Титмар следует не столько задаче объективной фиксации событий или их переложению в духе эпического прославления, сколько морально-назидательным и дидактическим целям, что с наибольшей полнотой представлено в описании конфликтов с Болеславом Храбрым. Хронист демонстрирует агрессивность и порочность противника Германии, противопоставляет его несправедное поведение и намерения благим целям и обоснованности действий Генриха⁶⁰, оправдывает борьбу с ним, предостерегает "своих", т.е. немецкую сторону, от доверчивости или ошибок. Мир западнославянских соседей изображается Титмаром не только как враждебный и чреватый опасностями, он предстает и как своего рода этическая антитеза "германскому миру" - миру германских правителей, имперской церковной и светской аристократии.

Второй характерной чертой, общей для созданных хронистом образов западнославянских правителей и племен, является их намеренная стилизация в соответствии с топикой христианского религиозно-морального осуждения.

Формально, хронист знает о разделении соседних славянских народов по конфессиональному признаку; ему известны три группы; языческие племена полабских славян, "скинувшие иго христианства" в 80-90-е годы X в.; слабо христианизированное и сохраняющее традиционные "религиозные заблуждения" население оставшихся под германской властью земель; христианские князья, прежде всего, правители Чехии и Польши. Вместе с тем, это знание конфессиональных различий не перерастает на оценочный уровень, подразумевающий артикулированную иерархизацию соседних народов с точки зрения их близости Германии. Титмар описывает полабских славян в соответствии с теологической антиномией язычников и христиан, смысловая нагрузка которой особенно усиливается тем, что он открыто проела-

вляет цели и смысл германской политики как христианские и религиозно оправданные. Вместе с тем, и образы христианских правителей региона стилизуются им с целью противопоставления их дурных качеств христианскому благочестию и сакральности германских королей.

Повествуя о славянах-язычниках, Титмар вводит две линии противопоставления: во-первых, христианского и языческого мира; во-вторых, славного прошлого и современной ему ситуации. Эпоха первых Людольфингов - Генриха I и Отгона I - осмысливается им одновременно как период и военного подчинения славянских народов, и их христианизации, точнее говоря, их включения в состав имперской церкви. В отличие от своего предшественника, Видукинда Корвейского⁶¹, Титмар воспринимает деятельность первых Людольфингов, в первую очередь Отгона I, как органичное сочетание собственно политических и церковно-организационных мероприятий (1:1, 18, 28; 2:3, 10, 11, 17, 20сл.). Два аспекта деятельности германских правителей: политическая и военная, с одной стороны, и церковно-организационная, с другой, неотделимы один от другого. Оценивая заслуги Генриха I и Отгона I, хронист подчеркивает, что их забота о церковных институтах⁶², апофеозом которой стало основание Магдебургского архиепископа в 968 г. (2:20-22), свидетельствует о их личном благочестии и религиозной избранности. Вместе с тем эти мероприятия органически связаны с собственно политическими успехами правителей, одновременно следуя за ними и подкрепляя их⁶³. Этому триумфу христианских правителей над язычниками Титмар противопоставляет бедствия, постигшие их преемников, призыв к преодолению которых приобретает в хронике актуальное звучание (3:пролог; 8:6).

Описывая успешные выступления полабских славян против германского господства: лютичей в 983 г. и в последующие годы (3:17-19; 4:9, 22etc.), ободритов в 1018 г. (8:5, 6), Титмар также сводит воедино собственно конфессиональные и политические аспекты этих выступлений. Выступление против церкви является одновременно и бунтом против власти германских правителей (3:17; 6:25; 8:5, 6). Успехи язычников хронист объясняет воздаянием немцам за грехи. Он указывает на конкретное событие — упразднение Отгоном II Мерзбургской епископской кафедры⁶⁴. Этот акт последовательно интерпретируется как главное прегрешение императора, обусловившее "мягжеж" и удачу язычников в 983 г. ГЗ:пролог, 4:10, 46; 5:пролог и др.); а его искупление становится проблемой для преемников Отгона I. Тема греховности, предопределившей неудачу империи, получает у Титмара и более широкое звучание (он пишет о "наших прегрешениях" вообще; говорит о греховности правителя безотносительно к какому-то конкретному деянию). Эта тема сплелается с универсальным религиозным голосом "греха и покаяния" и моговом "забогы о спасении души", приобретши-ми особое значение в духовной рефлексии на рубеже тысячелетия. Примечательно, что теологический и религиозно-назидательный дис-

курс Титмара неотделим от актуальной "политической" проблематики: обсуждение темы греха и искупления прямо связывается с перспективами германского господства в славянских землях.

В обширных описаниях "мятежа" лютичей 983 г. (3:17-19) и ободритов 1018 г. (8:5, 6), в кратких записях о выступлениях славян Титмар неизменно указывает на их враждебность вере и церкви. Он предельно подробно и одновременно стереотипно рассказывает о разрушении церквей (3:17-19; 6:51; 8:5,6), монастырей (3:18; 4:52), бесчинствах в отношении клира. Эти выступления осмысляются им в образах борьбы христианства и ложной веры, истинного Бога и рукотворных идолов. Титмар пишет, что в 983 г., после разорения епископских кафедр в Бранденбурге и Гавельберге язычники воздвигли на месте Христа и Его рыбака блаженного Петра разнообразные культы дьявольского суеверия (3:17). Выступления ободритов он также характеризует, как злодеяния, направленные "против Христа" и церкви (8:5,6). Религиозная нечестивость действий славян подчеркивается мотивом чудесного вмешательства, который звучит в эпизодах защиты святынь в разоряемом славянами Гамбурге (3:18) и наказания их предводителя князя Мстивоя (христианина по вере) за это преступление⁶⁵. Аналогичные характеристики выступления славян содержатся и в описании событий 1018 г. (8:5).

Стилизуя взаимоотношения империи с языческими славянскими племенами (как современные ему, так и рассмотренные в исторической перспективе) с точки зрения конфессионального противостояния, Титмар широко использует образное и смысловое противопоставление ритуальных и культовых практик. Религиозная сакральность действий германской стороны подчеркивается функциональной значимостью описаний ритуальных актов, предшествующих или сопровождающих их. Не только в связи с фигурами правителей, но и немцев в целом, Титмар указывает на совершение религиозных таинств, вознесение молитв, упование на Бога⁶⁶. Контрастом служит ритуальная практика язычников. Хронист посвящает две главы описанию языческих обрядов (6:23, 24) и нравов лютичей (6:25), неоднократно упоминает об их культовых действиях⁶⁷, в контексте сведений об участии лютичей в качестве союзников в экспедициях Генриха II против Болеслава Храброго (6:23; 7:17, 64). Значимость конфессиональных антиномий проявляется и в характеристике удачного военного похода немцев против славян: немцы как истинные христиане полагаются на Бога и совершают таинства перед выступлением, язычники, напротив, выступают под предводительством своих ложных богов (3:19). Поражение последних хронист воспринимает как результат высшей справедливости, как неизбежное наказание тех, кто отказался от Бога и кто на его место хотел воздвигнуть рукотворных и ничтожных богов. Прямое противопоставление использовано и в повествовании об участии лютичей в походе Дах Генриха: Титмар отмечает, что немцы и язычники выступают под разными сакральными символами (крест-идолы) (7:60, 64).

Хронист предвзято и с нескрываемым отвращением относится к языческим верованиям славян (6:23)⁶⁸; изложение Титмара лишено черт чисто информативной нейтральности или признаков занимательного повествования⁶⁹. Его цель - религиозное и моральное осуждение, изрядно приправленное поучительно-дидактическими интонациями. Языческие верования видятся хронисту одновременно и ложным заблуждением, и дьявольским суеверием (3:19; 6:23, 24; 7:64), а неприятие христианства объясняется и неведением, и злонамеренным сопротивлением. Такая двойственность восприятия язычников, с одной стороны, как заблуждающихся и непросвещенных⁷⁰, а с другой, как орудия дьявола в борьбе с Богом, укоренена в средневековом религиозном дискурсе. Следует отметить, что у Титмара ни одно из этих толкований не получает явного преимущества.

Рассуждения Титмара о языческих верованиях славян обращены не только к собственно религиозной стороне. Их прямым продолжением становятся умозаключения об этическом и моральном несовершенстве язычников. Рассуждения о "дурных нравах" язычников имеют своей целью не только их осуждение, но и противопоставление немцам-христианам. Во-первых, Титмар весьма целенаправленно характеризует культовую практику язычников лютичей как связанную с войной и жертвоприношениями, в том числе и человеческими (3:18; 6:24; 7:64). Хронист обыгрывает здесь приписываемую язычникам и прямо отраженную в сценах "мятежа" жестокость, необузданность, воинственность. Эти качества противопоставляются им стремлению к миру, справедливости, порядку, которые являются непременным атрибутом изображения германской стороны, прежде всего - самого короля. Во-вторых, язычники характеризуются им как люди, лишённые представлений о верности, ненадежные в выполнении своих обязательств. Эти качества проявляются как в религиозной сфере (вероотступничество), так и в системе политических связей. В частности, Титмар, говоря о практике заключения мира и союза с язычниками, тут же отмечает, что, требуя строгого соблюдения договора другими, они сами склонны к тому, чтобы с легкостью отказываться от своих обязательств (6:25)⁷¹. Хотя Титмар не осуждает открыто союз Генриха с лютичами, направленный против Болеслава Храброго, тем не менее он недвусмысленно выказывает свое негативное отношение к нему. Оно обусловлено, помимо собственно религиозной брезгливости, еще и убежденностью в его ненадежности и имманентной опасности (6:25). К такому отсутствию представлений о верности своим обязанностям Титмар присовоку-пляет утверждение о том, что в дурном язычники всегда действуют сообща (3:17—19; 8:5). Титмар, таким образом, вводит две линии противопоставления немцев-христиан и язычников-лютичей: одна из них – собственно религиозная, вторая - морально-этическая, и в обоих случаях он оперирует символическим языком и топикой христианской религиозной рефлексии.

Своеобразие стилизации Титмаром образа славян-язычников в рамках литературной и идеологической антиномии "христиане-язычники" определяется ее соотнесенностью с конкретной ситуацией германской политики в регионе. Иначе говоря, для Титмара характерно тесное, почти неразделимое сопряжение "христианского мира" с миром германской империи, во-первых, и "конфессионального конфликта" с системой политического господства, во-вторых. Это отражено в целом ряде идеологических и сюжетных конструкций.

Прежде всего, хронист сводит процесс христианизации язычников почти исключительно к созданию и упрочению германских церковных структур. Организационные действия германских правителей, поддержка ими епископских кафедр и монастырей, успех и процветание (либо упадок и разрушение) германских церковных институций - вот сюжеты, которые не только занимают значительную часть хроники, но и практически исчерпывают представления Титмара о конфессиональном преобразовании региона⁷². Сознание Титмара отождествляет задачу христианизации с задачей институционального упрочения "имперской церкви" в восточных землях империи. Широкая религиозно-идеологическая перспектива миссионерской деятельности как факта универсальной эсхатологии и Священной истории почти полностью редуцируется к процессу развития германских церковных институций на славянских землях. В этом смысле характерно отсутствие развернутых риторических и спекулятивных рассуждений об универсальной значимости обращения язычников или их мятежа для христианского мира в целом - в констатации успехов или неудач горизонт Титмара остается "германским" и "институциональным"⁷³.

В своем восприятии языческих славянских племен Титмар синкретически совмещает и собственно конфессиональный, и собственно политический уровни их враждебности. Хронист использует, рядопологая их, понятия, относящиеся к обеим системам отношений: восставшие славяне одновременно и "враги", "противники", "бунтовщики", и язычники, неверные. Их "бунт" против власти германских правителей является в то же время и религиозным "бунтом": Титмар совмещает эти Уровни отношений в понятиях "подчинения" и "свободы". Свобода лютичей для него это и выход из подчинения империи ("некогда наши рабы ... ныне свободные"), и отказ от веры (сбросили иго Христово). (Ободриты в выступлении 1018 г. характеризуются им как те, "кто понимает свободу, подобно лютичам"). Титмар, описывая отношения немцев со славянами, бесспорно создает биполярный образ "христиане-язычники". Соотношение внутри оппозиции, однако, является по преимуществу статичным. Динамическое начало - повествовательное и идеологическое воплощение задачи "обращения" заблуждающихся⁷⁴ - отодвигается на задний план констатацией противостояния христианского и языческого миров. В восприятии хрониста задача "экспансии" приобретает маргинальное значение не только в сфере политического господства, но и в сфере миссионерской деятельности. Актуальными

для хрониста являются цели "защиты отечества" и завершения цепи неудач и злодеяний. В дидактической рефлексии хрониста и его теологии приоритет отдан предостережению против язычников и сдерживанию исходящей от них опасности⁷⁵. Антиномия "христиане-язычники" в исполнении Титмара порождена скорее осмыслением конкретной ситуации в категориях Священной истории и христианской эсхатологии, нежели выбором последних в качестве актуальной исторической перспективы⁷⁶.

Не только славяне-язычники, но и христианские правители региона характеризуются хронистом в парадигме религиозно-этического противопоставления немцам. Их образы Титмар стилизует в соответствии с иной теологической моделью - моделью "неправедного правителя"⁷⁷. Их характеристики и используемая топики, сам метод конструирования образов имеют ряд параллелей с рассмотренным выше описанием языческих народов. Текст хроники содержит обширный и разнообразный материал, демонстрирующий процесс стилизации образов реальных исторических персонажей в соответствии с избранной типической моделью. Ее основные черты могут быть определены следующим образом.

Во-первых, Титмар знает о принадлежности чешских и польских правителей к христианской вере, равно как и о существовании церковных организаций в их землях, однако он отводит этим сюжетам весьма незначительное по объему место. Титмар приводит весьма скудную информацию об обстоятельствах участия славянских правителей в религиозном обустройстве своих земель, их отношениях с церковью и клиром и более чем немногословен в своем изложении, что бесспорно свидетельствует о как бы смысловой маргинализации факта конфессиональной принадлежности этих народов. В целом хронист воспринимает уровень христианизации и Польши и Чехии как весьма низкий, обнаруживая у обитателей многочисленные "дурные обычаи", связанные с язычеством и несовершенством церковной жизни⁷⁸.

Следует признать, что Титмар весьма лаконичен в изображении как "позитивных", так и "негативных" сюжетов. Он ограничивается лишь немногочисленными замечаниями относительно религиозных провинностей чехов и их правителя в конфликте с пражским епископом св. Адальбертом (4:28; 7:56); еще более краток он в помещенном ранее сообщении об убийстве святого князя Вацлава своим братом (2:2). Говоря о польских князьях Мешко и Болеславе, Титмар дает развернутую характеристику деятельности их жен, направленной на обращение и совершенствование в вере своих мужей (4:55, 58)⁷⁹. Вместе с тем, ни тот, ни другой не изображаются им специально в ситуации церковного или религиозного попечительства. Хронист пишет о том, что дурные нравы поляков, имеющие языческое происхождение, пресекались суровыми законами, а жестокость правителей имела большее значение для их искоренения, чем усилия церкви (8:2). Однако этот риторический пассаж имеет своей целью, как кажется, скорее демонстра-

цию слабой христианизации польских земель, чем прославление религиозной деятельности правителей. Признавая "позитивное" начало в суровых законах, направленных на исправление нравов, он тут же отмечает, что "дурных" законов в Польше было гораздо больше.

В намерения хрониста не входит подробное описание церковной или религиозной активности Болеслава Храброго, он ограничивается самой общей информацией. Титмар сообщает о создании архиепископства в Гнезно (самый обширный фрагмент, сюжетом которого является деятельность какого-либо славянского правителя в церковной сфере!), о выкупе у язычников останков св. Войтеха и Бруно Квер-фуртского, о богатых дарах Бруно перед его миссионерским странствием. Помимо эпизода, связанного с основанием Гнезненского архиепископства и паломничеством Отгона III на могилу св. Войтеха в 1000 г., все остальные сведения предельно кратки. Но и гнезненские события описаны таким образом, что в них акцентируется, с одной стороны, инициатива императора, а с другой — их негативный аспект, а именно сомнительность основания новой кафедры с церковно-пра-вовой точки зрения.

Можно предположить, что подобная минимализация сюжетов, посвященных истории христианизации соседних земель, связана со скудостью информации.

Это кажется вполне возможным в одних случаях, и вполне спорным - в других. В частности, церковная активность Болеслава, его тесные связи с Войтехом и Бруно Кверфуртским были описаны в современных и вполне доступных Титмару источниках. Кроме того, недостаточность информации не могли бы помешать хронисту ввести расширенное риторическое рассуждение по тому или иному поводу. Можно предположить также, что, например, в случае с Болеславом Храбрым информативная и риторическая сдержанность описаний обусловлены неприязнью к Болеславу, и хронист стремится замолчать, отодвинуть на задний план факт церковной и религиозной активности последнего, его близость с прославленными миссионерами. Однако оба объяснения, будучи вполне вероятными, не являются достаточными.

Все славянские правители, независимо от меры обращенной к ним неприязни, практически изымаются Титмаром из контекста церковной и религиозной активности. Я думаю, этот факт связан с тем, что хронист принципиально отказывает им в чертах христианской сакральности или предопределения к исполнению религиозной миссии⁸⁰. Их образы созданы в оппозиции к фигурам германских монархов, которых Титмар последовательно прославляет как защитников и покровителей церкви⁸¹. Эти черты являются неременным атрибутом легитимации и религиозной сакрализации правителя в оттоновской политической теологии, т.е. в той традиции, к которой принадлежит и сочинение Титмара.

Во-вторых, характеристики славянских правителей, в том числе и описания их личных качеств и обстоятельств внутреннего управления, избобилуют негативными оценками. В ряду изображений чешских и

польских правителей⁸², фигурирующих в сочинении Титмара, отсутствие явной стилизации в духе "дурного правителя" и наличие положительных оценок можно констатировать только относительно трех персонажей - Мешко и чешских князей Владивоя и Яромира. Однако и в этом случае хронист скорее опускает негативные черты, чем создает портреты "праведных правителей"⁸³.

Подавляющее число славянских князей Титмар изображает как воплощение дурной власти⁸⁴. Хронист указывает на незаконность их прихода к власти, которой, например, в случае с Болеславом Храбрым (4:58) и Болеславом Рыжим (5:23), сопутствует изгнание и преследование братьев-конкурентов, а в случае с Олдржихом (6:71, 99)⁸⁵, свержение брата, законного государя. Эти действия комментируются хронистом в духе сомнения в их легитимности и недопустимости с точки зрения христианской морали⁸⁶. Указанных князей он обвиняет в несправедном управлении, приписывает им угнетение и убийства подданных⁸⁷. Власть несправедных князей вызывает ужас и страх. В целом же они описаны Титмаром в соответствии с канонами изображения правителя-тирана. Не случайно, что применяемый им набор метафор-определений чрезвычайно широк, однако типологически однообразен - "тиран", "несправедный правитель", "ложный князь", "горе многих матерей", "василиск", "несправедный Маммона", "творец бесчисленных злодеяний"⁸⁸.

Власть чешских и польских князей является дурной и в силу движущих ими мотивов - в соответствии с традиционной топикой Титмар определяет эти мотивы как "жажду власти", "гордыню", "мирское величие"⁸⁹. Использование этих клише указывает на моделирование образов в соответствии с логикой религиозного осуждения несправедной власти, в рамках которой противопоставляются "величие мира сего" и христианский долг праведного государя. Христианский пафос морального осуждения "несправедных правителей" находит свое продолжение в замечаниях и рассуждениях Титмара о сомнительности личной жизни этих князей, их склонности к греху и отсутствии религиозного благочестия (4:58; 5:23; 8:34).

Описание представителей чешской и польской династий в соответствии с идеальной этической моделью "несправедного правителя" свидетельствует не столько о качествах реальных персонажей, сколько о дидактических целях сочинения. Это подтверждается и весьма обширным рассуждением Титмара о фигуре киевского князя Владимира; этот пассаж (7:72-74) не столько служит задаче построения сюжета или предоставления полной информации, сколько обнаруживает желание хрониста описать и осудить "дурного правителя". Эта же задача бесспорно определяет и логику воспроизведения образов других славянских правителей⁹⁰.

Религиозно-моральное обсуждение проблемы светской власти Титмаром имеет своей главной целью, однако, утверждение положительного примера — "праведного христианского правителя". В соот-

ветствии с этой этической моделью Титмаром описываются германские правители, качества которых являют собой прямую противоположность указанным выше чертам образов славянских правителей. Власть германских монархов праведна, законна; они преследуют цель установления справедливости, порядка и мира, заботятся о благополучии и соблюдении закона в своих землях; они отмечены христианскими добродетелями смирения, умеренности, благоразумия, являють собой пример личного благочестия⁹¹. Их власть является результатом Божественной милости и предопределения. Образы славянских князей являются важным функциональным элементом в системе религиозного прославления Людольфингов: оппозиция персонажей в едином смысловом и риторическом контексте усиливает убедительность прославления последних в качестве "праведных христианских правителей".

Описание Титмаром отдельных славянских народов и правителей, как было показано выше, имеет целый ряд унифицирующих характеристик, которые в значительной степени сглаживают политические и конфессиональные различия отдельных народов. Образ этого мира, пропущенный через систему категорий христианской дидактики и теологической рефлексии, кажется более или менее единообразным в своей враждебности и бунте против германских правителей, равно как и в своих качествах, негативных с точки зрения христианских религиозных и этических норм. Такая редукция различий между языческими славянскими племенами и христианскими правителями через их противопоставление Германской империи, имеет, как представляется, свои истоки в определяющей воззрения хрониста идентичности.

В системе представлений, которые характеризуют самоидентификацию Титмара, условно можно выделить два аспекта: отождествление с сообществом и с определенной исторической традицией. Социальная идентичность хрониста определяется чувством включенности в мир германского аристократического и церковного сообщества, главой и персонификацией которого является фигура императора. Титмар бесспорно ощущает себя представителем и попечителем Мерзебургской епископской кафедры, неоднократно возвращается к обстоятельствам ее существования, успехам и неудачам в прошлом, собственному участию в ее жизни, открыто заявляет ее историю в качестве одной из главных тем своего сочинения⁹².

Однако чувство идентичности автора гораздо шире институционального и локального патриотизма. Титмар, как кажется, осознает себя частью немецкого мира в целом, что находит отражение в частом использовании обобщающих понятий. Неизменно в ситуациях, описывающих взаимодействие немцев с соседями на востоке используются понятия "наши" или "наш" (*nostrī, noster*), в том числе, и тогда, когда хронист говорит об историческом прошлом (например, 2:27). Миру соседей Титмар противопоставляет понятие "родина" (*patria*), "наши провинции", "королевство".

В качестве лица, воплощающего единство этой общности и ее цели, выступает германский правитель. Фигуры германских правителей у Титмара осмыслены в понятиях религиозной харизмы: их власть основана на часто упоминаемых Божественном провидении, милосердии и защите, хронист постоянно указывает на личное благочестие правителей, являющееся залогом благополучия всего королевства. Титмар определяет два аспекта деятельности германских правителей: собственно политическую и религиозную. Они находятся в тесной взаимосвязи и обе имеют смысл сакральной христианской миссии.

В сочинении Титмара концептуализирована и та историческая традиция, в которой хронист находит свое место. Это - история могущества и власти Людольфингов, составляющей частью которой является и история их взаимоотношений со славянскими народами. Титмар прославляет триумфальные успехи и достижения первых правителей Саксонской династии, обосновывает их права на господство и доминирование в регионе. Титмар осознает взаимосвязь своего времени и прошедших эпох (1:пролог). Общая тональность его повествования пессимистична, он противопоставляет бедствия, постигшие империю в последние десятилетия X в., и проблемы своего времени триумфам легендарного времени правления Генриха I и особенно Отгона I.

Вместе с тем, он сопрягает и выстраивает в единый ряд все этапы истории династии Людольфингов. Историческому видению Титмара не свойствен напряженный эпический трагизм; он основывает свою интерпретацию связи времен на топике теологического оправдания и философского "утешения". Хронист использует традиционные литературные мотивы "золотого века" (2:45) и "упадка нравов" современников по сравнению с героями прошлого (5:10)⁹³. Вместе с тем доминирующей для него является теологическая интерпретация, которая сопрягает две темы: Божественного предопределения, с одной стороны и греховности и наказания, с другой. Политическая и историческая теология Титмара наиболее тесно связана с идеей религиозного наказания за грехи (3:пролог, 18; 5:31)⁹⁴ и концепцией "унижения могущественных и возвышения смиренных"⁹⁵.

Он использует мотивы "наказания за грехи" и "унижения величия" для прояснения смысла действия Божественного провидения в отношении германских правителей. Мотив "унижения величия", как необходимого испытания истинного христианского правителя, позволяет Титмару совмещать пессимистическое восприятие действительности с программой религиозного прославления правителей империи. Дидактический пафос в целом снижает агрессивный смысл его отсылки к примеру прошлого, которое связывается с абсолютным господством над соседними народами и их подчинением воле германских государей⁹⁶. Наиболее актуальной становится концепция "защиты отечества"⁹⁷, под которой подразумевается не только оборона собственно германских земель, но и отстаивание прав (весьма широко, впрочем, трактуемых) германских правителей во взаимоотношениях с соседями.

Титмар осознает себя частью институциональной системы (имперская церковь), на которой основывается сакральная власть германских монархов и участником возложенной на них религиозной миссии. В своем отношении к народам и правителям региона Титмар практически отождествляет задачу христианизации региона с интересами имперской церкви, а врагов церкви или ложных христиан с противниками империи. В сочинении Титмара универсальные религиозные представления о задачах христианской миссии, соотнесенности мира христианского и мира язычников оказываются включены в рамки германоцен-тричной картины противостояния сакральных правителей империи и враждебного, чуждого мира, лежащего на ее рубежах.

¹ Из новых исследований по германской истории и истории Центральной Европы X - начала XI в. см.: *Prinz Fr.* Grundlagen und Anfänge: Deutschland bis 1056. München, 1985; *Boshof E.* Konigtum und Königsherrschaft im 10. u. 11. Jht. München, 1993; *Fried J.* Der Weg in die Geschichte: Die Ursprünge Deutschlands bis 1024. B., 1994; *docker W.* Die Verwandten der Ottonen und ihre Bedeutung in der Politik: Studien zur Familienpolitik und zur Genealogie des Sachsischen Kaiserhauses. Köln; Wien, 1989; *Keller H.* Grundlagen ottonischer Königsherrschaft // Reich und Kirche vor dem Investiturstreit / Hrsg. K. Schmid Sigmaringen, 1985. S. 17-34; Kaiserin Theophanu: Begegnung des Ostens und Westens um die Wende des ersten Jahrtausends / Hrsg. A. von Euw, P. Schreiner: Sigmaringen 1993. Bd. 1-2; *Fried J.* Otto III. und Boleslaw Chrobry: Das Widmungsbild des Aachener Evangehars, der "Akt von Gnesen" und das früher polnische und ungarische Konigtum: Eine Bildanalyse und ihre historischen Folgen. Stuttgart, 1989.

² *Beumann H.* Die sacrale Legitimierung des Herrschers im Denken der ottonischen Zeit // Zeitschrift für Rechtsgeschichte: Germanische Abteilung, 1948. 66. S. 1 (далее ZRG GA); *Idem.* Widukind von Korvei. Weimar, 1950. S. 257; *Karpf E.* Herrscherlegitimation und Reichsbegriff in der ottonischen Geschichtsschreibung des 10. Jahrhunderts. Stuttgart, 1985; *Stetten W. von.* Der Niederschlag liudolfingischer Hausüberlieferung in den ersten Werken der ottonischen Geschichtsschreibung. (Diss.), Erlangen, 1954; *Bornscheuer L.* Miserae regum: Untersuchungen zum Krisen- und Todesgedanken in den herrschaftstheologischen Vorstellungen der ottonisch-salischen Zeit. B., 1968; *Corbel P.* Les saints ottoniens: Sainteté dynastique, sainteté royale et sainteté féminine autour de l'an Mil. Sigmaringen, 1986; *Leyser K.* Rule and Conflict.

³ *Fried J.* Otto III...; *Labuda G.* Zjazd Gnieźnieński r. 1000 w os" wietleniu ikonograficznym // Kwartalnik historyczny. 1991. 98,2, S. 3-18. (Далее: KwH). *Lubke Ch.* Slaven und Deutschen um das Jahr 1000 // Medievalia Historica Bohemica. 1993. 3. S. 59-90; *Idem.* Zwischen Triglav und Christus: Die Anfänge der Christianisierung des Havellandes // Wichmann-Jahrbuch des Diazesangeschichtsvereins. Neue Folge 3. Bd. XXXIV-XXXV, 1994/1995. S. 15-35; *Strzelczyk J.* Niemiecki glos o Zieździe Gnieźnierskim // Czasopismo Prawnohistoryczne 1991. 43. P. 144-151; *Ludat H.* Elblaven und Elbmarken als Problem der europäischen Geschichte // Ludat H. Slaven und Deutschen im Mittelalter: Ausgewählte Aufsätze zu Fragen ihrer politischen, sozialen und kulturellen Beziehungen. B., 1982. S. 1-13; *Graus F.* Die Nationenbildung der Westslaven im Mittelalter. Sigmaringen, 1980; *Ludat H.* Piasten und Ottonen // L'Europe aux IXe-XIe siècles. W-wa, 1968. S. 321-359 ff;

- Krzemienska B.* Krize Ceskeho st^tu na prelomu tisíciletí // *Ceskoslovensky Casopis Historicky*. 1970. 18, S. 497-532; *Voigt H.G.* Brun von Querfurt, Monch, Eremit. Stuttgart, 1907; *Idem.* Adalbert von Prag: Ein Beitrag zur Geschichte der Kirche und des Monchtums im zehnten Jahrhundert. B., 1898; *Wenskus B.* Studien zur historisch-politischen Gedankenwelt Bruns von Querfurt. Munster, 1956; *Kahl H.-D.* Compellere intrare // Heidenmission und Kreuzzugsgedanke in der deutschen Ostpolitik des Mittelalters. Darmstadt, 1973.
- ⁴ Исследования в области "Оттоновской историографии" см.: *Karpf E.* Herrscherlegitimation und Reichsbegriff in der ottonischen Geschichtsschreibung des 10. Jahrhunderts. Stuttgart, 1985; *Stetten W., von.* Op. cit. Авторы не включили в сферу своего внимания сочинения "второй волны" историографии Людольфингов, возникшие в начале XI в.
- ⁵ Thietmari merseburgensis episcopi chronicon // *Ausgewählte Quellen der deutschen Geschichte des Mittelalters* (далее: AQDGM) IX, Berlin, 195- (далее: Thietmar). О хронике Титмара см.: *Lippelt H.* Thietmar von Merseburg, Reichsbischof und Chronist. Kbln; Wien, 1973.
- ⁶ О хронике Титмара Мерзебургского и ее месте в контексте немецкой средневековой историографии см.: *Lippelt H.* Op. cit.; *Bornscheuer L.* Op. cit. 107 ff.
- ⁷ *Widukindi Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres* // *Scriptores rerum germanicarum* (далее: SRG). 1904.
- ⁸ *Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* // AQDGM. 1961. T. XI.
- ⁹ Речь идет прежде всего о житиях чешского епископа св. Войтеха (так называемое "Житие Канапарийуса": *Karwasiriska J.S.* Adalbert! Pragensis episcopi et martyris Vita prior // MPH. Ser. nova. IV-1. W-wa, 1962) и Житие Бруно Кверфуртского: *S. Adalbert!... vita altera*, MPH. Ser. nova. IV-2, W-wa, 1969; можно упомянуть и житие Пяти братьев (*Vita quinque fratres auct. Brunonis* // MPH. Series nova IV-3), автором которого является Бруно Кверфуртский.
- Хронологическая близость возникновения этих текстов (Хроника Титмара завершена около 1018 г.; разные варианты как первого, так и второго житий Войтеха возникли в промежуток между 999-1009 гг.) позволяет соприкоснуться при их сопоставлении с проблемой различий в изображении современниками одного и того же явления, вызванных не только "объективными" факторами (мировоззренческие, идеологические, социальные), но и собственно литературными - спецификой жанровой или литературной формы.
- ¹⁰ Как кажется, вполне оправданно современной культурной рефлексией поставлена проблема специфической природы "исторических источников", которые рассматриваются не только как реестр "объективных" фактов или свод аутентичной информации о прошлом, но и как (иногда, по-преимуществу) литературный текст. Образ эпохи, создаваемый ими, не является аутентичным отражением прошлого (ни в его социальной, ни идейной ипостасях), будучи, по существу, актом стилизации, т.е. сотворением желаемого автором изображения действительности. Среди многочисленных детерминант этого процесса весьма существенную роль играют и нормативные установки жанра, выбираемого автором, и литературная традиция, и индивидуальное интуитивное восприятие логики реальных событий в определенном сюжетном или драматургическом ракурсе.

¹¹ В качестве примера можно привести небольшую, но содержательную работу польского историка Л. Тышкевича: см.: *Tyszkiewicz L.A. Motywy oceny slowian w kronice Thietmara // Studia z dziejdw kultury i ideologii.* 1968.

Автор полагает, что в отношении хрониста к польскому князю Болеславу Храброму или славянам вообще присутствует элемент объективности историка, который выражается в том, что несмотря на личную неприязнь, хроника содержит позитивные сведения и оценочные суждения.

¹² Такие целостные, энциклопедические описания характерны для поздних авторов, сочинения которых связаны с проблемами германской политики на Востоке, таких как, например, Адам Бременский (2:20-23) или Гельмольд (1:1, 2). В этом смысле поздняя традиция весьма существенно отличается от ранних сочинений, прежде всего хроники Видукинда.

¹³ Любопытно, что Титмар охотно разъясняет в своем сочинении не только географическое положение тех или иных объектов, но и значение их славянских наименований (например, 1:3, 4; 6:26, 42, 49), равно как и личных имен (5:23; 6:11; 7:72), что указывает на его осведомленность о языковой близости западнославянских народов.

¹⁴ О распространении этого обобщающего и весьма аморфного по своему конкретному содержанию обозначения в позднеоттоновскую эпоху свидетельствуют миниатюры с изображением императора, которому приносят присягу верности "провинции", где одна из аллегорических фигур названа Славия (фигуры названы - Roma, Gallia, Germania, Sclavinia, Italia). Интерпретацию см.: *Schramm P.E. Kaiser und KOnige in Bildern ihrerZeit.* Munchen, 1983; *Fried J. Otto III,* S. 59 ff. Термин Скифия употребляется Гербергом Аурильякским в одном из посланий Отгону III, в ряду народов, подчиняющихся власти императора.

В агиографических текстах, в частности первом житии Войтеха (*Vita prior*), уже в самом начале место происхождения героя определяется как *Sclavinia* (гл. 1). Это собирательное определение, впрочем, не конкретизируется, и в дальнейшем тексте содержатся только упоминания отдельных земель и народов региона (чехи, земли польского князя, лютичи). Аналогичным образом обозначается родина святого и в житии чешского князя Вацлава (гл. 1), написанном около 983 г. епископом Мантуи Гумпольдом (*Fontes rerum Bohemicarum I. Pr.,* 1873).

¹⁵ Анализ употребления терминов в источниках этой эпохи см. в работах, указанных в примеч. 4., а также: *Graus Fr. Die Nationenbildung.* S. 151 ff. Можно отметить, что понятие "славянин" имеет обобщающее идентифицирующее значение в агиографических текстах. Войтех, прибыв к язычникам-пруссам, называет себя "славянином по рождению" (*Vita prior*, 27). Во втором житии, автором которого был Бруно Кверфуртский, так же, как и у Титмара, отсутствует обобщающее наименование или характеристика региона; автор не указывает какие-либо общие черты отдельных народов или земель. Примечательно, однако, что он также употребляет понятие "славянин" как обобщающую характеристику происхождения своего героя. Он усиливает ее значимость тем, что Войтех именно на пути к славе мученика (*Vita altera*, 26) назван "славянином", т.е. представителем определенного народа (или региона). Аналогичный акцент на принадлежности святого славянскому региону делает и Гумпольд см.: *Fontes rerum Bohemicarum* (далее: FRB), I, 1-2. В частности, примечательна интеграция неславянских народов - венгров, пруссов (как это делают Адам Бременский и Гельмольд) - в единое про-

- странство западнославянского региона. И Титмар, и авторы житий, скорее всего, подразумевают это, что подтверждается структурным включением повествования о них в единый поток описания событий и реалий мира, лежащего на восточных границах Германии. Представляется, что для Титмара в известной степени не актуальным является вопрос об этнической близости Киевской Руси и западнославянского мира - вероятно, он знает об этом, но структурно "киевские сюжеты" выделены в качестве своеобразной повествовательной вставки (7:72-74; 8:31-33).
- ¹⁷ Отмечу, что Титмар лишь эпизодически затрагивает проблему отношений со скандинавскими народами, граничившими с Германской империей и представлявшими собой значимый объект политической и церковной деятельности германских правителей.
- ¹⁸ Исследователи отмечают, что Титмар не был большим мастером литературного слова. Это однако, не исключает того, что он пишет свой текст, рассчитывая на читательский интерес - об этом свидетельствуют неоднократные отсылки к предполагаемому читателю (например, 4:55; 6:25 и др.). Хронист, излагая материал, использует риторические приемы не только с целью большей дидактической убедительности, но и литературной выразительности. На последнее, в частности, указывает красочное описание отдельных сцен или использование приема прямой речи персонажей.
- ¹⁹ О теологических построениях и назидательных целях Титмара см.: *Wagnscheuer* L. Op. cit. S. 107 ff, 112 ff.
- ²⁰ Как это было свойственно Видукинду Корвейскому. См.; *Beumann* H. Op. cit.
- ²¹ Например, прославление саксонских правителей в целом (1:пролог), Генриха I (1:10, 17, 28: *Multa sunt... regis nostri ac imperatoris predicti facta memoriae semper viventi admodum digna* - 1:28); Отгона I (2:пролог, 2, 10, 12, 28, 30, 31, 45); Генриха II (5:пролог; 6:пролог; 7:пролог).
- ²² Характерно, что Титмар прославляет не только христианские добродетели королей, но и их жен, представителей светской знати (например, Матильды, Эдит, Аделаиды, Феофании, Куннигунды, маркграфа Герона 1:21; 2:10, 11, 19, 24, 44; 4:4, 15, 20 и др.). Описывая деяния Генриха II (кн. 5-8), Титмар постоянно указывает на его милость в отношении церкви (дарения церковным институциям, восстановление Мерзебургской кафедры, основание Бамбергского епископства) и личное благочестие (соблюдение поста, церковных праздников, участие в богослужениях и т.д.).
- ²³ Прославление личной доблести и героизма правителей является, по мнению Х. Боймана (*Weitaup* H. Op. cit.), центральной задачей в сочинении Видукинда. Титмар же, по преимуществу, сосредоточен на прославлении мудрости, стремления к справедливости и миру, умеренности амбиций. Тема "*defensio patriae*" звучит у него наиболее отчетливо в книгах, описывающих события, разрушившие достижения первых саксонских правителей (3-8), и особенно навязчиво при описании современного ему правления Генриха II (5-8). См., например: 4:38; 5:пролог, 18; 6:пролог, 2, 15 и др. Однако уже и при характеристике первых правителей он вводит тему "защиты отечества" как цели их мероприятий, в частности, в связи с основанием Магдебургского архиепископства Отгоном I (2:20 - *ob spem remunerationis aeternae defensionemque com-munis patriae*).
- ²⁴ Подобная интонация бесспорного успеха звучит и при характеристике маркграфа Эккегарда (5:7).

- ²⁵ В прологе к кн. 3, повествующем о правлении Отгона II, Титмар рисует почти катастрофическую картину неудач и несчастий, обрушившихся на королевство и его правителя.
- ²⁶ Tietmar, 2:2; 5:11,30; 6:11, 72, 83 и др.
- ²⁷ *ibid.* 2:14, 29; 5:10 и др.
- ²⁸ Обоснованием этому служит не только теологическая идея религиозной оправданности деяний отмеченных Провидением христианских монархов, но и отсылка к авторитету исторической традиции (2, 14, 45; 5:10, 11, 23, 30, 31; 6:25).
- ²⁹ Наиболее широкий круг определений, указывающих на враждебность, относится к изображению Болеслава Храброго. Помимо указанных встречается, например, "noster persecutor" (7:72), "dux infaustus, instabilis senior" (7:9), "тот, чье имя и дела (conversatio) лучше было бы никогда не знать" (8:2).
- ³⁰ Хотя Титмар и называет Мешко "inclitus dux poleniorum" (4:55) и всячески демонстрирует его превосходство в сравнении с Болеславом Храбрым (5:9), однако вводит в его характеристику как союзника Германии и негативный оттенок, приравнивает его сыну (8:2).
- ³¹ Совсем эпизодический персонаж, которому посвящено лишь краткое замечание о его вступлении на чешский престол и принесении присяги верности Генриху в 1003 г. (5:23).
- ³² Мешко противопоставляется Болеславу Храброму (filius patre longe inferiors') как верный вассал и союзник бунтовщику, угрожающему правам империи; Владивой и Яромир, дурным и ненадежным князьям Болеславу III и Ол-држиху(ср.:5:11,23; 6:71,83).
- ³³ Титмар многословнее и занимательнее в построении сюжета, когда он описывает двусмысленные, пронизанные хитростью и коварством действия Болеслава Храброго или Олдржиха (например, 5, 9, 18; 7:4, 9, 10, 11), нежели в характеристиках подчинения "хороших" правителей.
- ³⁴ Эпитеты и определения укладываются в антитезу: германский правитель — защитник отечества, стремится к миру, законно отстаивает свои права; бунтовщики, властолюбцы, посягающие на права короля и угрожающие безопасности Германии.
- ³⁵ Например, характеризуя поведение польского князя, Титмар почти все время подчеркивает его двуличие и лицемерие, либо враждебность, скрытые под маской благожелательности или покорности, это же относится и к характеристике чешских князей (Болеслава III, Олдржиха); если считать союзниками этих правителей, то их поведение или намерения как минимум двусмысленны. Все это отражает не только "знание" Титмаром действительных реалий, но и способ его субъективного восприятия и литературной стилизации. Не случайно, он широко использует в этих эпизодах прием речи от лица героя, обильно снабжает свои комментарии цитатами, косвенными отсылками к Писанию или античным авторам, т.е. вполне определенно типизирует реальную историческую ситуацию в соответствии с избранной интеллектуальной и литературной моделью.
- ³⁶ Наиболее ярко такая тенденция проявляется при характеристике Болеслава Храброго и "польских обычаев" (4:55,58;8:2); Олдржиха и ситуации в Чехии (6:99); верований и обычаев языческих лютичей (6:23-25). Например, в случаях встречи правителей: Отгон III и Болеслав Храбрый (4:45); Генрих II с Болеславом Рыжим, Болеславом Храбрым, Олдржихом (5:11; 15; 7:63); а также: брачных альянсов (4:58, 64); совместного участия в

- военных мероприятиях: Мешко и Отгона III (4:9, 11-13); Яромира (6:22, 33), Олдржиха (7:19, 63); лютичей (6:22; 7:63, 64; 7:59); в экспедициях Генриха II против Болеслава Храброго (6:91; 7:72 ел.); участие немцев в походе Болеслава на Киев (8:31 ел.); связей с духовенством или миссионерами (4:28; 6: 94,95), Болеслава Храброго с Войтехом и Бруно Кверфуртским.
- ³⁸ Добровольное признание власти императора предполагается в указанных выше ситуациях (см.: 5:11,15; 7:63). Наиболее последовательно как верные и постоянные союзники характеризуются чешский князь Яромир (за ним не числится "какая-либо неверность королю" - 6:83) и польский Мешко, хотя подчинение последнего и вызвано его военными поражениями (2:14 и др.).
- ³⁹ Со всей бесспорностью только относительно времени Генриха I и Отгона I (1:10,16 и др.; 2:пролог, 14,30,31 и др.); такая аргументация определяет и смысл мирных договоров с Болеславом Храбрым, хотя Титмар и оценивает надежность и искренность польского князя крайне низко (финальное обобщение см.: 8:2).
- ⁴⁰ Чешские князья Владивой (5:23) и Яромир (6:12; 83), а также послы лютичей (6:33), с косвенным указанием на причину.
- ⁴¹ См. примеч. 39.
- ⁴² Включено в панегирик маркграфу в связи с упоминанием его гибели в 1002 г.
- ⁴³ Этот пассаж с некоторым, видимо риторическим, преувеличением констатирует почтение и покорность Мешко не только в отношении короля, но и маркграфа Годона.
- ⁴⁴ О подчинении Мешко, установленном еще во времена Отгона I (2:29 др.), и последующем союзничестве с германскими правителями; о встрече Болеслава Храброго с Отгоном III во время гнезненского паломничества (1000 г.) последнего (4:45).
- ⁴⁵ Подробно описываются лишь обстоятельства переговоров о мире и его заключения в 1013 г. (6: 89-91). Титмар в подробностях излагает отдельные стадии этого процесса в их последовательности и стилизует отношение польского князя к германскому правителю как безусловное повиновение.
- ⁴⁶ Такой позитивный для «блага отечества» смысл, он, например, находит в незаконном с церковной точки зрения браке отца Болеслава Мешко с немкой Одой (4:57).
- ⁴⁷ Подробно описывая набеги Болеслава Храброго на Киев (1015 и 1018 гг.), в которых приняли участие и немецкие воины, Титмар делает основной упор на изложении событий и обстоятельств, оставляя без риторической обработки факт польско-германского союзничества (6:91; 7:72-73; 8:31-33).
- ⁴⁸ Если говорить более точно, необходимо указать, что скепсис хрониста распространяется и на соглашения с «хорошими» союзниками. В частности, подводя «итоги» отношениям с польскими князьями и значению их брачных альянсов для «блага отечества», он, во-первых, уравнивает как бы Мешко и Болеслава Храброго, говоря, что добра от их брачных и семейных связей с германской аристократией было гораздо меньше, чем негативных последствий; во-вторых, негативно оценивает все попытки мирного сосуществования с Болеславом (8:2).
- ⁴⁹ Как в случае переговоров с Болеславом Храбрым (5:10,18,36; 7:4,10,21).
- ⁵⁰ Союзничество с Олдржихом (6:72; 7:10,11) или лютичами (6:22,25; 7:17).
- ⁵¹ Например, сообщая о паломничестве Отгона III в Гнезно в 1000 г., имевшем важное значение для повышения статуса польского князя (о чем Титмар

- прямо не пишет), он указывает на торжественный прием, оказанный императору (4:45). Вместе с тем в следующей книге он раздражается гневным восклицанием, явно отсылающим читателя к эпизоду 1000 г., в адрес Отгона III, который возвысил Болеслава Храброго, дав тем самым повод к усилению его неповиновения и амбиций (5:10).
- ⁵² Хронист приписывает и Генриху аналогичное отношение к Болеславу, король, например, советует немцам держать оружие наготове после переговоров с Болеславом (5:18) или приказывает прервать ввиду бессмысленности для предотвращения открытой войны всякий обмен послами (7:16,51). Излишнюю доверчивость короля хронист объясняет ошибками советников (7:60), а долготерпение - стремлением решить спор мирным путем. Сам хронист считает вредными или сомнительными любые соглашения с Болеславом (см. например: 5:10; 7:12,13,22,57,60).
- ⁵³ Нередко, инициатива переговоров приписывается Генриху II и они ведутся в период обострения конфликтов. При этом предполагается, что императору принадлежит право суда над чешским князем. Например, получив известие о каких-то сомнительных акциях Болеслава (после заключения мира в 1013 г.), Генрих требует прибытия Болеслава для оправданий или объяснений ("ad excusandum vel mobbedientiam ad emenendam" - 7:9).
- ⁵⁴ Хронист прямо пишет, что у польского князя нет никакого понятия о верности (nils aut fides parvasit aut nulla - 7:12). Качества Болеслава переносятся и на его представителей: посла Болеслава аббата Тули Титмар называет "коварной лисой в монашеском обличий" (7:21).
- ⁵⁵ Олдржих, захвативший в качестве заложника сына Болеслава, говорит, что тот был послан "in regnicem meam" (7:10).
- ⁵⁶ Примечателен эпизод, связанный с захватом Болеславом Чехии: здесь польский князь вообще игнорирует предложение Генриха признать вассальную зависимость, т.е. наносит прямое оскорбление королю (5:30).
- ⁵⁷ Титмар называет Болеслава "socer invidus" (6:34) маркграфа Германа.
- ⁵⁸ Хронист отмечает, что чешский князь не желает открытого конфликта с Германией и потому проявляет лояльность в отношении захваченных им немцев, однако, в то же время он вполне корыстен (пытается использовать их для давления на Мешко) и лицемерен (помогая избежать нападения "враждебных" лютичей, говорит последним, что они будут иметь еще много возможностей для этого).
- ⁵⁹ В первом случае упоминает, что "дружбе" предшествовало изгнание епископа из Мейсена (4:6), во втором - что Болеслава разбил паралич, из-за его неповиновения изгнанному им св. Войтеху, которого практически и заменял Тиддаг, став его преемником на пражской епископской кафедре (7:56).
- ⁶⁰ Наиболее яркое прямое сопоставление см.: Tietmar, 6:10.
- ⁶¹ О малой значимости конфессиональных аспектов деятельности Генриха I и Оттона I на востоке, прежде всего их церковно-организационных мероприятий, в сочинении Видукинда см.: *Beumann H.* Op. cit.
- ⁶² Наиболее подробно Титмар, как заинтересованное лицо, пишет о покровительстве монархов в отношении его собственной кафедры. Анализ разработки Титмаром истории Мерзебургского епископства см.: *Bornscheuer L.* Op. cit. S. 108 ff.
- ⁶⁴ Ср. например интерпретацию мотивов, побуждающих Оттона I к основанию Магдебургского архиепископства "ob spem remuneracionis aeterne defensionemque patriae" (2:20), и взаимосвязь политического подчинения с обраще-

- нием в христианство при характеристике утраченного ко времени Титмара германского господства над лютичами "Gentes iuae suscepta christianitate regibus et inperatoribus tributarie serviebant" (3:17).
- ⁶⁴ Титмар указывает также и на вполне светскую причину, определяющую вину германской стороны в событиях 983 г. и последующих лет - властолюбие и чрезмерное угнетение славянского населения маркграфом Дитрихом (3:17). Однако эта причина приобретает характер маргинального замечания в контексте доминирующей концепции религиозного прегрешения, наказания и покаяния.
- ⁶⁵ По утверждению хрониста, его разбил паралич. Описывая сцену смерти Мстивоя, Титмар вкладывает в его уста утверждение о том, что он был наказан св. Лаврентием (3:18).
- ⁶⁶ Значимость ритуальных элементов, как одного из основных атрибутов и индикаторов конфессиональной принадлежности германского правителя и немцев, чрезвычайно велика в хронике Титмара - "ритуальность" в его сознании явно преобладает над "интенцией" как критерием христианских целей и смысла действий германской стороны. Анализ "ритуальных" сцен кажется особой и весьма значительной по объему задачей. Укажу только, что Титмар *постоянно* упоминает о совершении германскими правителями церковных ритуальных процедур и об актах благочестия в связи с обстоятельствами восточной политики.
- ⁶⁷ Присутствие изображений "ложных богов" в военных отрядах, внимание лютичей к приметам, свидетельствующим о волеизъявлении их богов и перспективах военной удачи или поражения.
- ⁶⁸ Характеристика языческих верований славян (6:23-25; 7:64) дана через совокупность христианской топики осуждения идолопоклонства и язычества. Она, несомненно, содержит конкретные исторические сведения, однако, они сведены к стереотипным образам и заключениям. Ср. аналогичные черты в характеристике язычества "норманнов и датчан" (1:17).
- ⁶⁹ Это отражено не только в обширных повествованиях о "мятежах" лютичей (3:17-19) и ободритов (8:5,6), в описании верований и нравов языческих лютичей (6:23-25), но и в мелких деталях. В этом смысле интересен эпизод, произошедший во время одной из экспедиций против Болеслава Храброго (1017 г.): лютичи обратились к Генриху II с жалобой на маркграфа Германа, который камнем разбил одно из изображений их богов. Титмар с нескрываемым одобрением относится к действиям Германа, а его злорадство в отношении лютичей и их суеверий находит свое отражение и в дальнейшем повествовании - потеряв еще одного из своих идолов, лютичи уверовали в грядущую неудачу их дальнейшего участия в походе и покинули войско короля (7:64).
- ⁷⁰ Характерны интонации "сочувствия" - в частности, молитвенное обращение Титмара о том, чтобы Бог отнял силу у врагов и обратил их к добру (4:пролог).
- ⁷¹ Та же идея, как кажется, прослеживается и в эпизоде (7:64) ухода лютичей от Генриха после дурных предзнаменований (ложных, с точки зрения хрониста).
- ⁷² Характерно, что тема религиозного попечительства о населении, равно как и деятельность миссионеров и проповедников, занимает более чем скромное, в сущности маргинальное, место в сочинении Титмара.
- ⁷³ Любопытен пассаж, завершающий описание "мятежа" ободритов в 1018 г.

- (8:6), Титмар, прославляя решение Генриха положить конец этим злодеяниям, утверждает, что каждый христианин должен радоваться такому решению и вводит обширное рассуждение-напоминание о Страшном Суде и обязанности христианина со смирением принимать неудачи, как отражение Божественного всемогущества. В данном случае, проблематика борьбы с язычниками включается в контекст отвлеченного теологического рассуждения, которое обращено, однако, не к исторической перспективе Священной истории, а к морально-дидактической интерпретации христианской эсхатологии.
- ⁷⁴ Для сочинения Титмара характерно маргинальное звучание темы "обращения язычников", она сводится к проблеме упрочения германской имперской церкви и обуздания язычников силой германских монархов.
- ⁷⁵ Титмар оперирует совокупностью мотивов - защита отечества, подчинение мятежников закону, пресечение цепи злодеяний, необходимость держаться подальше от дружеских или союзнических отношений с язычниками.
- ⁷⁶ В данном случае уместно сделать краткое сопоставление текста Титмара с войтежскими житиями. В агиографических текстах также присутствуют мотивы взаимосвязи обращения язычников с усилиями германских правителей и интерпретация выступлений лютичей в 983 г. как наказания за прегрешение Отгона. Однако сама идея миссии имеет более широкое звучание, и предполагает противопоставление "мира христианского" и "мира языческого" в универсальном религиозном звучании этих определений.
- ⁷⁷ О значимости теологической и религиозно-этической концепции "праведного правителя" и ее разработке в средневековой политической теологии см.: *Anton H.H. Furstenspiegel und Hertscherethos in der Karolingerzeit*. Bonn, 1968; *Deshman R. The Exalted Servant: The Ruler Theology of the Prayerbook of Charls the Bald//Viator*; 1980.11. P. 385-^17; *Early Medieval Kingship/Ed. P.H. Sawyer, I.N. Wood. Leeds, 1977; Buschmann T. Ministerium Dei-Idoneitas // Historisches Jahrbuch*. 1963. 82. P. 92 etc.; *Eberhardt O. Via Regia: Der Furstenspiegel Smaragds von St. Mihael und seine literarische Gattung*. Munchen, 1977. Специально о своеобразии воплощения этой концепции в оттоновскую эпоху см.: *Corbel P. Op. cit.; Bornscheuer L. Op. cit.*
- ⁷⁸ О конфликте епископа Войтеха с чешским населением "cum sibi commissos ab antique pravitatis errore monitis divini precepti amovere nequivisset, omnes excommunicans... Romam venit" (4:28); о дурных нравах чехов и их неблагочестии, проявляемых также и в поведении их правителей см.: *Tietmar, 5:23, 29; 6:99.*
- ⁷⁹ Жене Мешко, чешской княжне Добраве, хронист приписывает главную заслугу по его обращению и укоренению христианства в его владениях..
- ⁸⁰ В связи с этим любопытным кажется и тот факт, что, сообщая об участии польских князей в походах против языческих славян, хронист не использует каких-либо оборотов, свидетельствующих об их партнерстве с германским королем в духе союза христианских государств, как это делается, например, в житиях или в поздней историографической традиции (Адам, Гельмольд).
- ⁸¹ Позиция Титмара в отношении к "религиозной миссии" славянских правителей расходится с позицией житий. Как в первом, так и во втором житиях Войтеха авторы делают принципиальные различия между фигурами чешского и польского князей. Если первый, Болеслав II, выступает как противник святого, и ему и его народу приписываются черты дурных христиан, то Болеслав Храбрый, напротив, изображается как попечитель о вере в своих

- землях и опора святого в его миссионерских усилиях. Особенно сильны эти тенденции в житии Бруно Кверфуртского.
- ⁸² К которым могут быть присоединены рассказ о Владимире Киевском (7:72-74) и краткие замечания о князьях Мстивое Ободритском (3:18) и Боллуте (4:64).
- ⁸³ Такой принцип "умолчания о дурном" отчетливо проявляется в характеристике Яромира. Титмар сочувственно относится к чешскому правителю, прежде всего, в силу его лояльности к Генриху, о чем он неоднократно упоминает. В целом он характеризует его поведение и правление как вполне законные и справедливые, включая и законность его прав на престол, что, как и в случае с Мешко, обуславливается послушанием и верностью германскому правителю. Вместе с тем, считая неразумными действия императора, который после изгнания Яромира братом Бржетиславом, послушавшись "дурных советников", отправил Яромира в заточение, Титмар упоминает, что Яромира обвинили в злодеяниях - убийстве баварского посольства к Болеславу Храброму и избииении своих подданных (6:83). Титмар не опровергает справедливости этих обвинений, однако предпочитает не развивать тему в духе морального осуждения "дурного правителя". Вместе с тем при упоминании подобных фактов, связанных с другими правителями, он в полной мере использует риторические приемы для акцентирования этих событий, подчеркивая проявление дурных качеств и несправедность властей. Что касается Мешко, то его характеристика в качестве "inclitus dux" (4:55 и др.) имеет смысл скорее в качестве противопоставления сыну Болеславу Храброму, нежели собственно похвалы его достоинствам.
- ⁸⁴ Болеслава Рыжего он называет "impietatis auctor immensae" (5:11), сопоставляя его с Болеславом Храбрым, отмечает, что они равны в мерзостях, но не в могуществе (5:23).
- ⁸⁵ Олдржих назван "братом и вассалом, забывшим свой долг" (6:71).
- ⁸⁶ Например: Болеслав Рыжий нарушает договор со своими подданными и начинает преследования во время поста (5:29); Болеслав Храбрый в начале правления изгоняет братьев и убивает представителей польской знати: "Для того, чтобы править единовластно, попрал всякое право и закон" (4:58); хронист пишет о его противоправном управлении в Чехии и 1003 г. (5:30,31); аналогичные характеристики звучат и в отношении Олдржиха (regnum... sibi miustum usuravit" (6:83) и др.
- ⁸⁷ В этот ряд может быть с точки зрения типологического соответствия характеристики включен и Владимир Киевский (7:72-74).
- ⁸⁸ Любопытно, что Титмар неизменно делает комментарии относительно значения имен славянских князей. За исключением Яромира, чье имя он интерпретирует как "firma rex", он оспаривает справедливость подразумеваемых именем достоинств (см: 4:45, 6:99, 7:72).
- ⁸⁹ Помимо указанных выше определений, см. например: о Болеславе Храбром - "superbos triumphator" (6:80); "superbiae magnanimitas" (6:10) и др.
- ⁹⁰ В войтешских житиях различается манера стилизации образов чешского и польского правителей, Болеслав Чешский изображен в соответствии с топикой "дурного правителя", в то время как фигура Болеслава Храброго вполне укладывается в канон "праведного христианского правителя". Вообще, строго дуалистическая оппозиция Титмара: христианская империя — нехристианский (несмотря на формальную конфессиональную принадлежность) славянский восток, заменяется в житиях иной структурой изображения. Она,

как представляется, предполагает троичную модель, христианский мир - праведный христианский правитель и союзник Болеслав Храбрый - язычники и дурные христиане. Помимо различия в собственно идеологической сфере, такое несходство изображения имеет, думается, и жанровую обусловленность.

⁹¹ Любопытно, что в случае с персонажами, представляющими германскую сторону, даже если речь идет об отрицательных героях, Титмар находит возможным указать на их положительные черты (благочестие, раскаяние и т.д.), как например, в случае с герцогом Генрихом Баварским (2:34:40).

⁹² См.: например: Tietmar, 1: пролог 1,18,28; 2:2,17 и др.; 3:пролог; 4:10,46; 5: пролог, 1 и далее. Л. Борншоер (*Bornscheuer L. Op. cit. S. 108ff.*) полагает, что история Мерзебурга имеет принципиальное значение для всей исторической концепции хрониста. Именно через историю своей кафедры он рассматривает удачу, падения и восстановление могущества германских правителей.

⁹³ "Quam inique comparand! sunt antecessores nostri et contemporales" (5:10).

⁹⁴ Титмар пишет как о конкретном религиозном прегрешении Отгона II, упраздненного Мерзебургское епископство (3:пролог, 25), так и о греховности в широком смысле - "наших прегрешениях" (3,18), греховности правителей (Отгон II - 3:25; Генрих II - 5:31). Генрих II сам объясняет все несчастья своего времени собственными прегрешениями (5:31). Теологическая концепция греховности, воздаяния за грехи, покаяния и искупления грехов кажется принципиально важной для предлагаемой Титмаром интерпретации действий правителей. Он использует ее не только для объяснения катастрофы времени Отгона II, но и, например, для отношений с венграми при Отгоне I (2:7,8). Смысл и природа действий правителей прямо соотносятся им с универсальной задачей религиозного благочестия - заботой о "спасении души". Характерно, что понимание этого он приписывает и своим героям: Отгон III и его магь Феофания, Генрих II - все они стремятся искупить религиозное прегрешение Отгона II, воссоздать Мерзебургскую кафедру, что, в понимании хрониста, имеет своей целью не только спасение души предшественника, но и благополучие государства (4:10,46 др.).

⁹⁵ Этот мотив имеет поистинне универсальное "герменевтическое значение". Он используется при описании удач славянских правителей, прежде всего, Болеслава Храброго (например 5:30); и при рассуждениях о традициях дурного правления в Чехии (6:99); и в качестве актуального напоминания для германской стороны (2:7,8; 8:6). О мотиве "miseriae regum" как функциональном компоненте оттоновской политической теологии в целом и в хронике Титмара, в частности см.: *Bornscheuer L. Op. cit.*

⁹⁶ Нельзя не отметить, однако, и прорывающегося огроветного негодования по поводу унижения немцев, которое выражается формулой "из господ стали подчиненными" (5:10-о Болеславе Храбром). Кроме того: "Некогда наши рабы, но из-за нашей неправедности ныне свободные" (о лютичах -6:25).

⁹⁷ Несомненно, это связано и с общей стилизацией образов германских правителей в духе "праведного христианского правителя", что само по себе предполагало противопоставление миролюбия и смирения агрессивности и гордыне.